

Роль образования в воспроизводстве интеллектуальной элиты как основного субъекта рационального знания

© Н.Н. Губанов

МГТУ им. Н.Э. Баумана, Москва, 105005, Россия
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Москва, 125993, Россия

Представлена пятикомпонентная процедура формирования рационального знания и воспроизводства интеллектуальной элиты в системе образования современного общества, называемого часто обществом знания. Утверждается, что фундаментальное значение для развития социума имеет рост не просто любого знания, а такой его разновидности, как рациональное знание, которое эксплицируется на основе вводимого в статье широко понимаемого принципа достаточного основания. Показано, что данный принцип не является каким-либо законом формальной логики, а получает свое обоснование трансцендентально-прагматическим способом, заимствованным у К.-О. Апеля и Ю. Хабермаса. Предложенная пятикомпонентная процедурная концепция рациональности разворачивается в форме теории аргументации. Защищается положение, согласно которому основными носителями рационального знания выступают интеллектуалы. Вопрос о том, кого следует называть интеллектуалами, чем они занимаются, как общаются между собой, в какие группы и благодаря чему объединяются, рассмотрен с опорой на разработанную Р. Коллинзом социологию интеллектуальных сетей. В рамках этой парадигмы функции образования в процессе воспроизводства интеллектуальной элиты выявляются на основе теории интерактивных ритуалов, социальной концепции творчества и формирования долговременных репутаций, модели динамики пространства интеллектуального внимания. Сделаны выводы о том, что система образования является важнейшей сферой интеллектуальной жизни общества, в которой проводятся ключевые интерактивные ритуалы: лекции, конференции, доклады, дискуссии, т. е. те конкретные виды деятельности, из которых рождается сакральный для интеллектуалов объект «истина».

Ключевые слова: общество знания, рациональное знание, процедурная концепция рациональности, интеллектуальная элита, образование, Р. Коллинз, интерактивные ритуалы, интеллектуальные сети

Как известно, *большое видится на расстоянии*, наверное, именно поэтому пока не сложилось общеупотребительное наименование для современного становящегося посткапиталистического общества. Однако большую популярность приобрела теория общества знания, возникшая еще в 1960-х годах в работах П. Дракера, Ф. Махлупа, Д. Белла, Р. Лейна и др. Они утверждают, что знание, бывшее прежде одним из многих ресурсов, стало теперь основным, а земля, природные ископаемые, капитал и т. д. отошли на второй план, потому что в отличие от

них знание можно с помощью информационных технологий сделать неисчерпаемым. «От капитализма к обществу знания» — таково говорящее название первой главы книги Питера Дракера «Постэкономическое общество», в которой подчеркивается социопорождающая функция знания: оно способно создавать новый тип общества. Особенно отмечается роль образования, главная задача которого — научить индивида учиться, а новые информационные технологии должны обеспечить непрерывный рост личной и профессиональной компетенции человека в течение всей его жизни [1]. Показательно, что концепция общества знания активно продвигается ЮНЕСКО: «Сегодня общепризнано, что знание превратилось в предмет колоссальных экономических, политических и культурных интересов настолько, что может служить для определения качественного состояния общества, контуры которого лишь начинают перед нами вырисовываться» [2]. Социальные приоритеты общества знания — доступность и качество образования, свобода дискуссий на различные темы, универсальная возможность получения информации, уважение культурного и языкового разнообразия.

Разделяя в целом описанную выше концепцию, отметим в ней один момент, который, по мнению автора статьи, остается недостаточно разработанным. Какое конкретно знание имеется в виду в теории общества знания? Если не вдаваться в детали, то можно выделить три основные позиции.

1. Имеется в виду совершенно любое знание. Этот ответ уязвим по следующим соображениям. Из интеллектуальной истории известно, что всегда какие-то знания выбраковывались из сферы публичного обсуждения, а какие-то, возможно, в несколько модифицированном виде, продолжали развиваться и приносить новые теоретические и практические плоды. Следовательно, в интеллектуальной жизни общества всегда складываются некие механизмы отбора знаний. Для обработки абсолютно всего знания у человечества просто не хватит ресурсов, значит, должен быть какой-то критерий выделения того знания, которое достойно получить эти ресурсы. Сформулируем такой критерий и с помощью трансцендентально-прагматических аргументов попытаемся показать его универсальность и безальтернативность. Обнаруживаемые в реальной интеллектуальной истории механизмы отбора знаний в общих чертах воспроизводят этот критерий, и чем больше они ему соответствуют, тем более рационально породившее их общество.

2. Имеется в виду научное знание. Такой ответ слишком сужает область рассматриваемых типов знания, ограничиваясь только научным знанием с его жесткими критериями. За пределами анализа остаются другие виды рационального знания, которые также способны оказать значительное влияние на развитие общества.

3. Имеется в виду знание, выделяемое согласно прагматическому критерию. Так, П. Дракер определял знание как всякую информацию, имеющую практическую ценность, служащую для получения конкретных результатов [1]. Против такого ответа можно выдвинуть следующее возражение. Очевидно, что некоторые виды знания, например, эзотерическое, мистическое, фейковое (поддельное, провокационное) и т. д. могут приносить пользу тем, кто их создает и распространяет, именно поэтому они существуют, но вряд ли развитие этого знания способно принести пользу человечеству. Также какое-то изолированное, рецептурное знание, обеспечивающее ситуативное решение проблемы, случайно найденное методом проб и ошибок, вряд ли будет полезным в долгосрочной перспективе. Оно должно рассматриваться как временное решение, паллиатив, и иметь иной эпистемологический статус, чем рациональное знание, получаемое в ходе описываемой ниже процедуры и фундированное коллективным интеллектуальным опытом.

Итак, позиция автора статьи состоит в том, что основной вид знания, развитие которого детерминирует эволюцию общества — это рациональное знание, именно оно конституирует общество знания как новый тип социальной реальности. Что такое рациональное знание?

Процедурная концепция рационального знания. Для развернутого ответа на этот вопрос введем в качестве критерия рационального знания так называемый *широко понимаемый принцип достаточного основания*. Данный принцип не является каким-то конкретным законом науки логики, а служит конституирующим фактором определенного рода проводимой посредством приведения оснований дискуссии, участники которой *искренне* нацелены на поиск истины или нормативной правильности. Это мотивационный механизм, который ориентирует коммуницирующих субъектов:

1) на напряженный поиск наилучших аргументов в пользу тех или иных утверждений, которые они признают правильными и свободно вводят в дискуссию. Эта работа проводится каждым актором на основе всего его совокупного опыта и всей имеющейся в его распоряжении информации;

2) вступление в аргументативную игру с другими индивидами, имеющими свои аргументы по поводу этих утверждений. Под действием взаимной критики участники дискуссии могут модифицировать свои тезисы и аргументы и брать тайм-ауты с целью поиска дополнительных свидетельств;

3) оценку и сравнение силы всех выдвинутых утверждений в ходе коллективного открытого обсуждения, к которому допускаются все компетентные и заинтересованные в данной области субъекты;

4) принятие коллективного решения по поводу того, какие из обсуждаемых утверждений и в каких формулировках будут приняты, а какие — отклонены;

5) органичное включение принятых утверждений в наличный фонд знания с возможной корректировкой как новых, так и принятых ранее компонентов знания, чтобы новые утверждения вписались когерентным образом в имеющуюся систему знания (иногда принятие новых утверждений вызывает коренную перестройку системы знаний).

Будем считать, что получаемое таким образом знание имеет *достаточное основание* и может быть названо *рациональным*. Сразу заметим, что это некий идеальный тип, который репрезентирует смысл дискуссии, направленной на коллективный поиск наилучшим образом обоснованных утверждений, а реальные эмпирические ситуации, естественно, соответствуют ему в той или иной мере, которая определяет степень рациональности получающегося знания. Важнейшая черта рационального знания заключается в том, что оно систематизированное, универсальное и ассимилирует опыт и знания многих людей, подводя своеобразный интеграл совокупному коллективному интеллектуальному опыту. В свою трактовку получения рационального знания автор статьи внес коммуникативный момент. Может возникнуть вопрос: а если, например, математик в одиночку доказал теорему без всяких дискуссий с кем-либо, то это рациональное знание или нет? Конечно, рациональное. Коммуникативный момент в этой ситуации присутствует в снятом виде. Этот математик длительное время обучался, приобретая знания, о которых дискутировало множество гигантов математической мысли, трудами которых он сейчас удачно воспользовался. Согласимся с С.А. Лебедевым в том, что подлинным субъектом научного познания является «не отдельный ученый, а дисциплинарное научное сообщество», а все научные дискуссии в конечном итоге заканчиваются «достижением некоторого устойчивого состояния, либо оправданием, либо отторжением (частичным или полным) предложенных изменений в системе научного знания. И то, и другое достигается и фиксируется посредством определенного консенсуса... выработка которого занимает часто весьма продолжительное время» [3, с. 7]. Например, достижение консенсуса в ходе когнитивного переговора ученых в отношении принятия истинности гелиоцентрической модели Солнечной системы потребовало около 200 лет, неевклидовой геометрии — около 50 лет, квантовой механики — около 25 лет, частной теории относительности — около 15 лет [3, с. 7].

Рациональное знание автор настоящей статьи определяет на основе его соответствия описанной выше идеализированной процедуре, поэтому такое понимание можно назвать процедурным. Выделенные пять компонентов данной процедуры являются результатом попытки эксплицировать когнитивно-коммуникативные предпосылки, которые явным или неявным образом принимаются и разделяются всеми, кто вступает в дискуссию с искренней целью достижения истины или нормативной правильности. Новое рациональное знание рождается на

стыке с неизвестным, в поле проблем, и пробивает себе путь в жизнь посредством постепенного когерентного вписывания в имеющуюся и постоянно обновляющуюся систему рационального знания. Процесс вписывания осуществляется согласно рассмотренной процедуре и за это время могут претерпевать изменения как само новое знание, так и уже принятые положения. То, что было рациональным когда-то, может не быть таковым сейчас. Например, тезисы первых греческих натурфилософов в то время были вполне рациональными — они обобщали имеющиеся у греков свидетельства в пользу законов сохранения, выражали гениальное для того времени представление о материальном единстве мира, а также воплощали в себе интенцию греческого мышления к смене сверхъестественного объяснения мира, доступного избранным, естественным объяснением, понятным всем разумным. Если сегодня кто-то всерьез и без всяких оговорок скажет: «Всё есть вода», это не будет рациональным, это будет как минимум странно.

Прокомментируем четвертый компонент представленной процедуры. Конечно, полное согласие во всех деталях редко встречается между участниками дискуссии за всего лишь одну встречу или за какой-то относительно короткий период времени. Например, натурфилософы вразрез друг другу постулировали в качестве первоначала воду, апейрон или воздух. Однако когда только Фалес в присутствии учеников и возможных оппонентов произнес вслух фразу «*Всё есть вода*» и приступил к ее обоснованию, опираясь на полученные им в разных местах знания, он скрытым образом принял все компоненты описанной процедуры, неявно соглашаясь с тем, что совместный свободный аргументативный поиск истины — это наилучший доступный разумным существам способ ее постижения. Описанная процедура редко представляет собой простую однократную последовательность событий. Чаще это длительный циклический самокорректирующийся процесс, затрагивающий несколько поколений интеллектуалов; 4-й и особенно 5-й шаг скорее будет сделан последователями, которые видят более полную картину обсуждаемой проблемы, на основе которой можно создать новый устойчивый синтез знаний (правда, устойчивый до поры до времени). «В споре рождается истина, но обычно не для самих спорящих, а для других лиц, чаще всего представителей более молодого поколения» [4, с. 420].

Почему представленная процедура названа *широко понимаемым принципом достаточного основания*? *Широко понимаемый* — чтобы у читателя не возникло ошибочное мнение, что имеется в виду какой-то конкретный закон формальной логики. *Принцип достаточного основания* — потому что, по мнению автора статьи, в сообществе разумных существ, искренне стремящихся достичь истины или нормативной правильности, в данное время нет и не может быть другого достаточного основания для принятия или отвержения какого-либо утверждения. Во

множестве аргументов участников дискуссии уже заключены все известные данной эпохе и имеющие отношение к делу эмпирические, логические, апеллирующие к эвристичности, простоте, красоте, надежному методу получения, здравому смыслу, хорошо проверенной временем традиции и все прочие возможные свидетельства в пользу рассматриваемого утверждения. Противоположностью рациональному знанию будет знание нерациональное, получаемое на основе не всех имеющихся в данное время аргументов, а специально подобранных под нужное кому-либо решение или на основе *только* веры, авторитета, идеологии, вкуса, подражания, внушения, подкупа, традиции, моды, манипуляции, шантажа, принятия чего-то наобум или в результате чего-то вроде бросания монеты (когда зашли в тупик, просто лень или уже надоело размышлять) и т. д.

Вспомним историю принципа достаточного основания. Уже Аристотель учил тому, чтобы в случае любого тезиса приводились убедительные основания, в силу которых он принимался бы в качестве обоснованного. Однако он отмечал, что это требование отличается в различных сферах знания и неправильно от оратора ждать научных доказательств, а от математика — эмоционального выступления. Далее приведем цитату Г.В. Лейбница, которого иногда даже считают первым исследователем этого принципа: «Аксиома, что ничего не бывает без основания, должна считаться одной из самых важных и плодотворных аксиом во всем человеческом познании» [5, с. 14]. Данная Лейбницем трактовка принципа достаточного основания была неясна, поэтому ее смысл в дальнейшем различными философами понимался по-разному. Например, А. Шопенгауэр интерпретировал ее как утверждение о наличии необходимой связи любого явления со всеми другими явлениями. А вот как описывает свое отношение к данному принципу А.А. Ивин: «На первом этапе развития науки логики... требование обоснованности знания, называвшееся законом достаточного основания, включалось (наряду с законами противоречия, исключенного третьего и тождества) в число так называемых основных законов мышления... Последующее развитие логики показало, что отнесение требования достаточного основания к числу логических законов является недоразумением и само лишено не только достаточных, но и сколько-нибудь ясных оснований. Требование обоснованности знания не является законом логики — ни “основным”, ни “второстепенным”. Оно не лежит в фундаменте логики, имеющей к нему такое же отношение, как и любая другая наука. Утверждения логики должны быть обоснованными, но это справедливо в отношении и физики, и эстетики. Никаких собственно логических доводов в поддержку принципа достаточного основания нет» [5, с. 15].

Действительно, отнесение принципа достаточного основания к законам формальной логики сомнительно. Поэтому автор статьи, желая

эксплицировать интуицию, проявляющуюся в требовании обоснованности знания, отмечает *широко понимаемый* принцип достаточного основания. С помощью средств только формальной логики не получится адекватно изложить этот принцип. Более перспективный подход к нему — это трансцендентально-прагматическое исследование наподобие того, которое применил Ю. Хабермас по отношению к *принципу универсализации U* в моральной сфере. Это связующий принцип, обеспечивающий достижение согласия в моральных спорах, содержащий в себе перспективу реального проведения моральных дискуссий, к которым допускались бы все заинтересованные лица, а также задающий правила таких дискуссий. Хабермас формулирует принцип *U* так: «Всякая действенная норма должна удовлетворять тому условию, чтобы те прямые и побочные действия, которые так или иначе вытекают из всеобщего следования ей в отношении удовлетворения интересов (предположительно) каждого отдельного лица, могли быть приняты всеми, кого они касаются (и оказались бы для них предпочтительнее результатов других известных им возможностей урегулирования)» [6, с. 104].

В ходе своего трансцендентально-прагматического обоснования принципа *U* Хабермас показал, что данный принцип «встроен» в структуру моральной аргументации и имплицитно вытекает из пропозиционального содержания всеобщих прагматических предпосылок, которые принимает каждый (явно или неявно), кто вообще вступает в любую аргументативную игру [7]. Как представляется автору настоящей статьи, широко понимаемый принцип достаточного основания более фундаментален и историчен, чем принцип *U*. Принцип *U* является конкретизацией принципа автора статьи в сфере практического дискурса, т. е. в сфере дискуссий относительно нормативной правильности, причем конкретизацией, локализованной в области 4-го компонента представленной процедуры. Широко понимаемый принцип достаточного основания задает правила как теоретического, так и практического дискурса, т. е. как обоснования истинности дескрипций, так и обоснования правильности норм в моральном плане. Он вытекает из предпосылок, явно или неявно разделяемых всеми субъектами, искренне заинтересованными в достижении истины и нормативной правильности и вступающими ради этого в дискуссию.

Понятие *рациональное знание* по объему шире, чем *научное знание*, т. е. любое научное знание — рациональное, но не любое рациональное знание — научное. Критерии научности более жесткие в плане допускаемых в научной дискуссии тезисов и аргументов. Утверждения, составляющие научное знание, должны удовлетворять следующим критериям научности: доказательность, непротиворечивость, эмпирическая проверяемость, воспроизводимость эмпирического материала, интерсубъективность, системность, эссенциальность, однозначность, способность к развитию [8]. В случае рационального знания требования к тезисам

допускают бóльшую гибкость и широту, равно как и аргументы могут приводиться из всего арсенала, известного теории аргументации, например, апелляция к вкусу, хорошо проверенной временем традиции, интуиции, здравому смыслу и т. д. Главное, чтобы рациональная дискуссия разворачивалась согласно описанной выше процедуре. Можно отметить, что научное знание — это некая передовая, наиболее сложная и абстрактная, концентрированная локация в рамках рационального знания, содержание которой задается своими особыми жесткими критериями и контролируется специально обученными профессионалами. Наука постоянно выбирает из окружающего ее рационального знания (пока не являющегося научным знанием) некоторые смыслы, которые она подвергает дальнейшему развитию и апробации с помощью своих специфических средств. Таким образом, наука вбирает в себя некоторые рациональные идеи, которые в данный момент времени *созвучны* ее логике развития, ее насущным задачам, проблемам и могут быть обработаны имеющимися в ее распоряжении методами. Если наука еще не готова к работе с какими-либо рациональными идеями, т. е. не располагает средствами к их проработке, и эти идеи пока далеки от собственных интересов науки, то данные идеи разрабатываются в рамках каких-либо других форм знания, тяготеющих к рациональному знанию, например, философии [9]. Еще компоненты рационального знания могут содержаться в обыденном знании, морали, искусстве, политике, праве и даже в теологии при условии наличия там развернутых и более-менее свободных дискуссий, как это было в средневековых университетах.

К участию в научной дискуссии допускаются только профессиональные ученые, имеющие соответствующее подтверждение своей квалификации. Научное знание представляет собой теоретический дискурс и имеет дело только с истинностью пропозиций, а рациональное знание объединяет теоретический и практический дискурсы, т. е. помимо вопросов истинности оно включает в себя вопросы нормативной правильности. К участию в практической дискуссии относительно действительности какой-либо нормы допускаются все, кого эта норма касается, а не только какие-либо профессионалы. Отметим, что пока речь шла о науке как системе знания, задаваемой перечисленными выше девятью критериями научности. В этом смысле действительно любое научное знание рационально. Но если рассматривать науку в ее других ипостасях, как особую деятельность и социальный институт, то в ней могут быть обнаружены нерациональные компоненты, привнесенные извне благодаря управленческим, организационным и прочим ошибкам. Например, в 1948 г. в СССР академик Т.Д. Лысенко из идеологических соображений объявил генетику буржуазной лженаукой, в результате чего она была запрещена, а некоторые ученые репрессированы. В современной России нерациональным является бездумное копирование западных способов мотивирования, контроля и управления научной деятельностью без

учета специфики национальной науки. Вообще чем больше в социуме рационального знания, т. е. чем больше в нем происходит дискуссий согласно описанной пятикомпонентной процедуре (по самым различным теоретическим и практическим вопросам, на всем коммуникационном пространстве), тем более рационален данный социум, а значит, тем меньше в нем волюнтаризма, авторитаризма, тоталитаризма и т. д.

Интеллектуалы как основной субъект рационального знания. Сторонники концепции общества знания любят подчеркивать роль образования для нового типа общества, однако, как правило, эта роль лишь постулируется, полагаясь очевидной и не получая объяснения с привлечением какой-либо солидной социологической теории. Глубоко раскрыть функции образования позволит социология знания, разработанная Р. Коллинзом, в рамках которой автор настоящей статьи постарается ассимилировать свою концепцию рациональности. Исходный тезис состоит в том, что основными носителями рационального знания выступают интеллектуалы. Согласно остроумному определению Коллинза, «интеллектуалы — это люди, которые производят деконтекстуализированные идеи. Предполагается, что эти идеи верны или значительны вне каких-либо местных условий, какой-либо локальности и вне зависимости от того, применит ли их кто-либо на практике» [10, с. 65]. Это вполне соответствует пониманию рационального знания как универсального. Важная точка сопряжения подходов Коллинза и автора статьи заключается в том, что Коллинз тоже придает фундаментальное значение коммуникации: «Мыслители не предшествуют общению, но сам коммуникативный процесс создает мыслителей в качестве своих узлов» [10, с. 46] (вспомним пример с математиком). В теории Коллинза конструирование идей в обществе находится под непосредственным социальным воздействием сетевой структуры отношений между интеллектуалами. Классовые, экономические, политические факторы отодвигаются на второй план социальной причинности, уступая место анализу интеллектуальных сетей. «Экономические и политические макроструктуры не объясняют многое в абстрактных идеях, поскольку такие идеи существуют только там, где имеется сеть интеллектуалов, сосредоточенных на своих собственных аргументах и накапливающих свой собственный понятийный багаж» [10, с. 47]. Эта цитата хорошо коррелирует с процедурной интерпретацией рационального знания, представленной в настоящей статье.

Сетевой метод Коллинза начинается с изучения личных связей между интеллектуалами: «Кто был учителем каких учеников? Кто был чьим другом или коллегой, особенно на ранних, формативных стадиях жизненных карьер? Кто был чьим соперником или противником? Велись ли споры в частном порядке, на публике или в письменной форме? Теперь на основе информации о связях такого рода мы можем начертить сетевую схему» [10, с. 33]. Очевидно, что именно сфера образо-

вания вносит весомый вклад в формирование узловых точек таких сетевых схем и их вертикальных (во времени — от одного поколения к другому) и горизонтальных (среди современников, являющихся коллегами, союзниками или соперниками) структурных параметров. Построение сетевой схемы подразумевает широкое использование исторического материала для выявления лиц, находящихся в области культурного производства, и ранжирования их по степени близости к центру этой области. «Такого рода сетевая схема некоторой области культурного производства представляет пространство внимания. Иными словами, в ней описывается модель наиболее интенсивно сфокусированных процессов общения между людьми, которые транслируют прежний культурный капитал и превращают его в новую культуру» [10, с. 33].

Опираясь на свой сетевой метод, Коллинз на богатом эмпирическом материале показал, что главная движущая сила творческой деятельности представлена непосредственными контактами интеллектуалов. Такие контакты приводят к повышению интенсивности эмоций, связанных с когнитивными процессами, и сосредоточению внимания на центральных нерешенных проблемах и порождаемых ими дискуссиях. Именно прямые контакты повышают степень аргументации высказываний и способствуют решению проблем. В связи с этим лица, находящиеся ближе к центру интеллектуальных сетей и более интенсивно осуществляющие коммуникативные действия, имеют преимущество при выполнении очередных интеллектуальных шагов и порождении новых идей. «Конечно же, есть возможность получать идеи посредством чтения других авторов, и можно было бы применить более традиционный метод учета “идейных влияний” через изучение того, кто какие книги читал. Однако в моей социологической теории утверждается, что в конкуренции за ограниченное пространство внимания весьма значительное количество индивидов имеют доступ к уже имеющемуся культурному капиталу, который позволяет им формулировать новые идеи; однако только те немногие индивиды, которые сделают данные шаги быстрее всего, получают социальное внимание, а наряду с ним и эмоциональную энергию для продолжения разработки своей позиции в пространстве интеллектуального внимания» [10, с. 34]. В свете приведенной теории становится понятной ключевая роль образования для интеллектуальной жизни общества. Сфера образования представляет собой универсальную платформу для проведения всех видов интеллектуальных взаимодействий. Помимо трансляции имеющихся в обществе знаний посредством лекций и практических занятий, на базе вузов проходят различные конференции, функционируют диссертационные советы, редакции научных журналов, лаборатории, научные центры, дискуссионные клубы и т. д. Таким образом, сюда, как к центру притяжения, стягиваются все основные ветви существующей в данную эпоху интеллектуальной сети

и здесь формируются ее центральные позиции — интеллектуальная элита.

Еще одно важнейшее понятие теории Коллинза — *интерактивный ритуал*. Оно было введено И. Гофманом, представителем второго поколения чикагской школы. Находясь под влиянием социологического реализма Э. Дюркгейма и символического интеракционизма Г. Блумера, Гофман показал, что религиозные ритуалы, глубоко изученные Дюркгеймом, представляют собой подвид большого класса явлений, широко распространенных в обыденной жизни, который он назвал интерактивными ритуалами (ИР). Они объединяют своих участников в определенное моральное сообщество посредством продуцирования общих эмоционально заряженных символов, выступающих в совокупности как система жизненных координат и коммуникационных кодов [11]. Коллинз применил понятие ИР для анализа взаимодействий между интеллектуалами. Интеллектуальный ИР характеризуется особой структурой внимания. «Интеллектуалы сосредоточивают свое внимание в течение получаса и более на одной точке зрения, представленной как единый поток рассуждения, и тем самым возвышают эту тему, превращая ее в более крупный сакральный объект, чем малые фрагментарные “обменные жетоны” обычных социальных связей» [10, с. 74]. Интеллектуалы с большим пиететом относятся к продуктам своей деятельности, почитают их в качестве высших познавательных и нравственных ценностей, с высоты которых они судят об окружающем мире. Так, британский социолог науки Д. Блур продемонстрировал, что математики наделяют интеллектуальную истину всеми атрибутами, зафиксированными Дюркгеймом за сакральными объектами религии: она трансцендентна по отношению к субъектам, объективна, имеет принудительный характер, требует уважения [12]. «Интеллектуальный дискурс неявным образом сосредоточен на своей автономии от внешних забот и на рефлексивном осознании самого себя... Ключевой интеллектуальный ритуал, лекция или доклад, представляет собой то, что было подготовлено в результате чтения соответствующего объема текстов; а содержание сказанного обычно уже на пути к публикации. Интеллектуальный ИР является в общем случае ситуационным способом бытия текстов, которые представляют собой долговременную жизнь дисциплины. Лекции и тексты сцеплены воедино — вот что составляет отличительную особенность интеллектуального сообщества и что выводит его за рамки любого другого вида социальной деятельности» [10, с. 75].

Участие в ИР дает индивидам чувство принадлежности к особой группе, объединенной всем тем, что служило общим фокусом внимания, связавшим их взаимными моральными обязательствами. Во время ИР приобретает запас эмоционально заряженных символов, которые обладают высокой мотивирующей силой и могут быть названы культурным капиталом. В дальнейшем, когда субъекты используют эти

символы в ходе общения или хотя бы у себя в мышлении, это напоминает им о групповой принадлежности и задает определенный образ действия даже в отсутствие группы. «Лекция заряжает своих участников эмоциональной энергией (ЭЭ), обеспечивая прилив энтузиазма по отношению к ритуально созданным символическим целям... ЭЭ сохраняется после ИР и переходит в ситуации, когда индивид остается в одиночестве и продолжает выстраивать свою индивидуальную судьбу. После угасания ЭЭ через какое-то время человек вновь возвращается к ритуальному участию, чтобы повысить ее уровень (“подзарядиться”» [13, с. 77]. Интеллектуалов неудержимо привлекают такие ситуации, в которых они могли бы успешно использовать ранее приобретенный ими культурный капитал и символические ресурсы для целенаправленной речевой деятельности и дальнейшего укрепления духовной солидарности среди участников ИР. Обратим внимание, что выше, раскрывая содержание процедурной концепции рационального знания, автор настоящей статьи отметил, что полное согласие по всем вопросам редко встречается между участниками дискуссии за какой-то относительно ограниченный промежуток времени. Коллинз также полагает, что основой интеллектуальной жизни служит скорее сама продолжающаяся коммуникативная деятельность: «Ритуальное средоточие групповой солидарности находится не столько на уровне конкретных утверждений и убеждений, сколько в данной деятельности как таковой. Внимание фокусируется на особом виде речевого действия: ведении диалога, выходящего за пределы сиюминутной ситуации и соединяющего прошлые и будущие тексты. Глубоко укорененное осознание этой общей деятельности — вот что объединяет интеллектуалов как ритуальное сообщество» [10, с. 76].

Существуют ли какие-то тенденции, которые могут принципиально изменить роль образования в интеллектуальной жизни общества? Фундаментальный научный вывод Коллинза таков: «Хотя лекции, дискуссии, конференции и другие собрания в реальном времени могут показаться избыточными в мире текстов, тем не менее, это как раз те структуры “лицом к лицу”, которые являются наиболее устойчивыми на протяжении всей истории... основная форма существования интеллектуальных сообществ оставалась практически неизменной на протяжении более двух тысяч лет. Ключевые интеллектуальные фигуры соединяются в группы в 1900-х годах н. э. во многом так же, как в 400-х годах до н. э. Личные контакты между выдающимися учителями и их учениками, которые станут выдающимися позже, составляют те же виды цепочек сквозь поколения. И это верно даже притом, что технологии коммуникаций становились все более и более доступными, а число интеллектуалов выросло чрезвычайно сильно: от порядка сотен в Китае времен Конфуция до миллионов научных работников в области есте-

ствознания (scientists) и ученых-гуманитариев (scholars), публикующихся сегодня» [10, с. 73]. Развитие информационных технологий ставит под вопрос необходимость проведения классических встреч «face-to-face». Авторы статьи солидарны с красивым заключением Коллинза: «Интеллектуальная жизнь вращается вокруг ситуаций “лицом к лицу”, поскольку только на этом уровне могут происходить интерактивные ритуалы. Интеллектуальные сакральные объекты могут быть созданы и сохранены, только если есть церемониальные собрания для поклонения им... Без ритуалов “лицом к лицу” написание текстов и сами идеи никогда бы не были заряжены эмоциональной энергией; тексты и идеи были бы дюркгеймианскими эмблемами мертвой религии, приверженцы которой никогда не приходят на церемонии» [10, с. 74].

Итак, образование представляет собой сферу общества, в которой проводятся ключевые интерактивные ритуалы — лекции, конференции, доклады, дискуссии — те конкретные виды деятельности, из которых рождается сакральный для интеллектуалов объект *истина*. Поэтому необходимо всеми способами совершенствовать как очные формы таких ритуалов, играющие определяющую роль в функционировании описанной выше пятикомпонентной процедуре порождения рационального знания, так и их дистанционные формы. Это требуется для успешного воспроизводства интеллектуальной элиты. Данная элита, хотя и составляет по численности небольшой процент населения, но генерирует основную массу рационального знания, транслируемого впоследствии другим социальным акторам. А они используют это знание в своей деятельности, которая, благодаря рациональности знания, бывает эффективной. В настоящее время значение интеллектуальной элиты и порождаемого ею рационального знания для функционирования общества возрастает. Без рационального знания человечество не сможет дать сильный ответ на вызов истории в лице глобальных проблем.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Drucker P.F. *Post-Capitalist Society*. New York, Harper Business, 1993, 198 p.
- [2] *К обществам знания: всемирный доклад ЮНЕСКО*. URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0014/001418/141843r.pdf> (дата обращения 06.08.23).
- [3] Лебедев С.А. *Философия науки: позитивно-диалектическая концепция*. Москва, Проспект, 2021, 448 с.
- [4] Губанов Н.И., Губанов Н.Н. Основные нормы научного этоса. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология*, 2021, т. 37, вып. 3, с. 416–427.
- [5] Ивин А.А. *Теория аргументации*. Москва, Гардарики, 2000, 416 с.
- [6] Хабермас Ю. *Моральное сознание и коммуникативное действие*. Санкт-Петербург, Наука, 2001, 382 с.
- [7] Губанов Н.И., Губанов Н.Н. Проблема практического дискурса: обоснование моральных норм. *Вестник славянских культур*, 2021, № 62, с. 129–142.

- [8] Губанов Н.Н., Губанов Н.И. Критерии в системе научного знания. *Гуманитарный вестник*, 2016, вып. 2.
<http://dx.doi.org/10.18698/2306-8477-2016-02-344>
- [9] Губанов Н.Н., Губанов Н.И. История научных идей сквозь призму идей философских. *Диалог со временем*, 2021, № 76, с. 5–19.
- [10] Коллинз Р. *Социология философий: глобальная теория интеллектуального изменения*. Новосибирск, Сибирский хронограф, 2002, 1282 с.
- [11] Goffman E. *Interaction Ritual*. New York, Doubleday, 1967, 270 p.
- [12] Bloor D. *Knowledge and Social Imagery*. Chicago, London, The University of Chicago Press, 1991, 203 p.
- [13] Губанов Н.Н., Губанов Н.И. Отмирает ли лекция в качестве ведущей формы обучения? *Высшее образование в России*, 2020, т. 29, № 12, с. 72–85.

Статья поступила в редакцию 27.12.2023

Ссылку на эту статью просим оформлять следующим образом:

Губанов Н.Н. Роль образования в воспроизводстве интеллектуальной элиты как основного субъекта рационального знания. *Гуманитарный вестник*, 2024, вып. 1.
<http://dx.doi.org/10.18698/2306-8477-2024-1-889>

Губанов Николай Николаевич — д-р филос. наук, профессор кафедры «Философия» МГТУ им. Н.Э. Баумана, профессор Департамента гуманитарных наук Финансового университета при Правительстве Российской Федерации. e-mail: gubanovnn@mail.ru

The role of education in reproducing the intellectual elite as the main subject of rational knowledge

© N.N. Gubanov

Bauman Moscow State Technical University, Moscow, 105005, Russia
Financial University under the Government of the Russian Federation,
Moscow, 125299, Russia

The paper presents a five-component procedure to form rational knowledge and reproduce the intellectual elite in education system of the modern society, which is often called the knowledge society. It argues that fundamental role in the society development is played by the growth of not just any knowledge, but by such its variety as the rational knowledge, which is explicated on the basis of the broadly understood principle of sufficient reason introduced in the paper. It is shown that this principle is not any law of formal logic, but receives its justification in the transcendental-pragmatic way borrowed from K.-O. Apel and J. Habermas. The proposed five-component procedural concept of rationality unfolds in the form of a theory of argumentation. Position is defended, according to which intellectuals are the main carriers of rational knowledge. The question of who should be called intellectuals, what they are doing, how they communicate with each other, in what groups and why they unite, is considered based on the intellectual networks sociology developed by R. Collins. Within this paradigm, education functions in the process of reproducing the intellectual elite are identified on the basis of the theory of interactive rituals, social concept of creativity and formation of the long-lasting reputation, as well as of the dynamics model of the intellectual attention space. Conclusions are drawn that education system is the most important sphere of the society intellectual life, where the key interactive rituals are held, i.e. lectures, conferences, reports, discussions, those specific activities, which form Truth, the sacred object for intellectuals.

Keywords: knowledge society, rational knowledge, rationality procedural concept, intellectual elite, education, R. Collins, interactive rituals, intellectual networks

REFERENCES

- [1] Drucker P.F. *Post-Capitalist Society*. New York, Harper Business, 1993, 198 p.
- [2] *K obschestvam znaniya: vsemirnyi doklad YUNESKO* [Toward Knowledge Societies: UNESCO World Report]. Available at: <http://unesdoc.unesco.org/images/0014/001418/141843r.pdf> (accessed June 28, 2023).
- [3] Lebedev S.A. *Filosofiya nauki: pozitivno-dialekticheskaya kontseptsiya* [Philosophy of Science: A Positive Dialectical Conception]. Moscow, Prospekt Publ., 2021, 448 p.
- [4] Gubanov N.I., Gubanov N.N. Osnovnye normy nauchnogo etosa [Basic norms of scientific ethos]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Filosofiya i konfliktologiya — Vestnik of Saint-Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, 2021, vol. 37, no. 3, pp. 416–427.
- [5] Ivin A.A. *Teoriya argumentatsii* [Argumentation Theory]. Moscow, Gardariki Publ., 2000, 416 p.
- [6] Habermas J. *Moralbewußtsein und kommunikatives Handeln*. Frankfurt am Main, Suhrkamp, 1983, 207 S. [In Russ.: Khabermas Yu. Moralnoe soznanie i kommunikativnoe deystvie. Saint Petersburg, Nauka Publ., 2001, 382 p.].

- [7] Gubanov N.I., Gubanov N.N. Problema prakticheskogo diskursa: obosnovanie moralnykh norm [The issue of practical discourse: substantiation of moral norms]. *Vestnik slavyanskikh kultur — Bulletin of Slavic Cultures*, 2021, no. 62, pp. 129–142.
- [8] Gubanov N.N., Gubanov N.I. Kriterii v sisteme nauchnogo znaniya [The criteria for the system of scientific knowledge]. *Gumanitarny vestnik — Humanities Bulletin of BMSTU*, 2016, no. 2. <https://doi.org/10.18698/2306-8477-2016-02-344>
- [9] Gubanov N.N., Gubanov N.I. Istoriya nauchnykh idey skvoz prizmu idey filiosofskikh [The history of scientific through the prism of the history of the philosophical ideas]. *Dialog so vremenem — Dialogue with Time*, 2021, no. 76, pp. 5–19.
- [10] Collins R. *Sociology of Philosophies: A Global Theory of Intellectual Change*. Cambridge, Massachusetts, and London. The Belknap Press of Harvard University Press, 2000, 1121 p. [In Russ.: Kollinz R. Sotsiologiya filosofiy: globalnaya teoriya intellektualnogo izmeneniya. Novosibirsk, Sibirskiy Khronograf Publ., 2002, 1282 p.].
- [11] Goffman E. *Interaction Ritual*. New York, Doubleday, 1967, 270 p.
- [12] Bloor D. *Knowledge and Social Imagery*, Chicago and London, The University of Chicago Press, 1991, 203 p.
- [13] Gubanov N.N., Gubanov N.I. Otmiraet li lektsiya v kachestve vedushchey formy obucheniya? [Is Lecture as a Dominant Form of Teaching Dying?]. *Vyshee obrazovanie v Rossii — Higher education in Russia*, 2020, vol. 29, no. 12, pp. 72–85.

Gubanov N.N., Dr. Sc. (Philos.), Professor, Department of Philosophy, Bauman Moscow State Technical University; Professor, Department of Humanities, Financial University under the Government of the Russian Federation. e-mail: gubanovnn@mail.ru